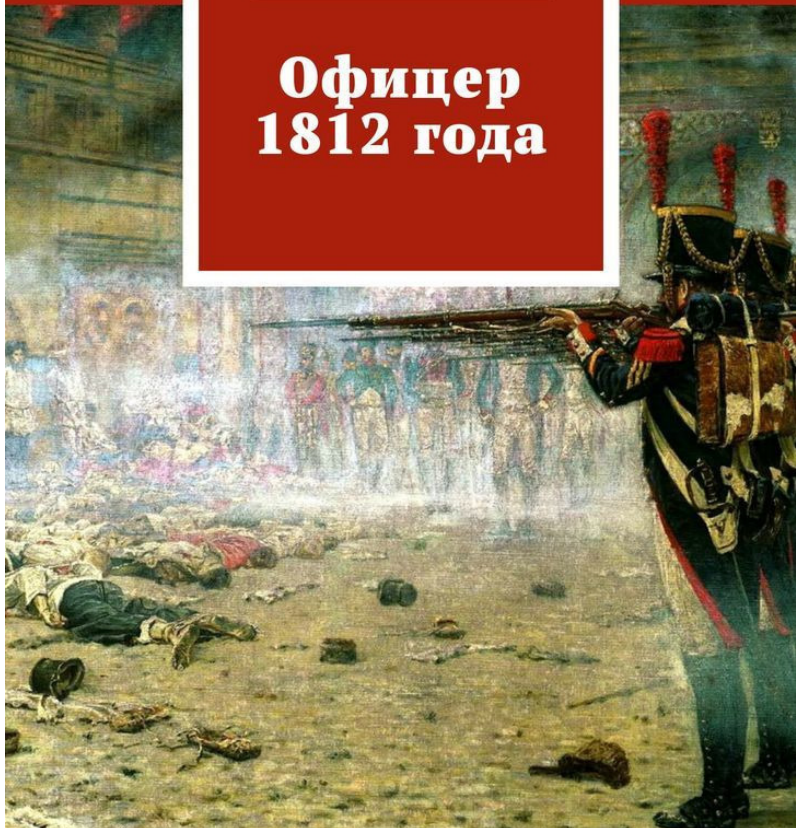

18+

Андрей Николаевич
Ларионов

Офицер 1812 года

Андрей Николаевич Ларионов

Офицер 1812 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51558747

ISBN 9785449838070

Аннотация

Историческая книга о событиях 1812 года, когда русские обороняли свою столицу – Москву – от наступления врага. Главный герой – Андрей Адвентов, что испытывает сполна все тягости и трудности войны.

Содержание

Офицер 1812 года	5
Пролог	7
Глава 1. Рудня	9
День первый	9
День второй	11
День третий	13
День четвертый	15
День пятый	16
День шестой	17
Глава 2. В стране забвенья	18
День седьмой	18
День восьмой	21
День девятый	23
День десятый	25
День одиннадцатый	26
День двенадцатый	28
Глава 3. События Бородинского поля	29
День тринадцатый	29
День четырнадцатый	35
День пятнадцатый	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Офицер 1812 года

**Андрей Николаевич
Ларионов**

© Андрей Николаевич Ларионов, 2025

ISBN 978-5-4498-3807-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Офицер 1812 года

**«Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!...»**

Лермонтов М. Ю.

ЛАРИОНОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

(СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР)

Пролог

Тяжелые времена пришли к нам. Мне трудно писать об этом. Я не знаю, что ждет нас всех в будущем. Что ждет нашу страну и Москву? Погибнем ли мы все под натиском полчищ французов или сможем дать им достойный отпор? Русский пессимизм и угрюмость мешал многим из нас видеть что-то хорошее в нейтральных событиях сих дней. Куда испарилась наша радость и русская храбрость, когда мы с австрийцами в Европе воевали раньше?

Мы отступаем все дальше на восток, тянущийся километрами непроходимых дорог размокших от дождя и осеннего ненастья. Французы идут за нами, как если бы жертву преследовала бы стая волков. Всюду ходят слухи о проигранной войне. Народ в унынии. У всех на сердцах тяжесть и отчаяние. Мы действительно проиграли эту войну. По крайней мере, на этом этапе Москва фактически сдала страну врагу и стала манящим магнитом для наступающих армий врага. От этого становится невыносимо больно на душе! Во сне даже я вижу своих родителей и свою землю. Матушка укоризненно качает головой, в том сновидении, и что-то говорит мне, что я веду недостойно. Она говорит, что я не оправдал дворянского звания и царского доверия. Отец в тех смутных снах смотрит внимательно на меня и шепчет басисто мне на ухо:

– Что же ты делаешь, сынок? Это же Россия, матушка наша! Там же Москва! Как же так получилось, что вы ее сдали врагу? Как же так?

Я плачу, просыпаюсь с тихим всхлипыванием, смотрю во мглу долго и пристально. Вижу во тьме синеющие очертания офицерской квартирки. На щеках у меня соленые слезы, сон, как явь. Боль души пронзает меня изнутри. Я чувствую виноватым себя перед страной, царем и отечеством. Это худший год в моей жизни.

Идет 1812 год...

У меня нет слов. Внутри комок огня и только отчаяние души. Слезы мужские и скупые прячу под покровом ночи. Только мгла видит, как я сильно переживаю за Россию. Бог видит также, ведь Он все. Знает, что я не равнодушный персонаж, которому все безразлично, что происходит дальше десяти метров от него самого. Я русский офицер, Адвентов Андрей Васильевич. И хотя мне отроду еще только двадцать пять лет, я сполна испытывал все тягости и ужасы этой войны, которую принес нам захватчик Наполеон.

Глава 1. Рудня

День первый

Я, Адвентов Андрей Васильевич, решил начать писать свои очерки в свою походную тетрадь, которую я ношу постоянно в своем ранце. На улице сейчас ночь. Мягкая мгла опустилась на этот край. Я нахожусь где-то между Велижа и Поречья. Наш барон, генерал-адъютант, Фердинанд Фёдорович фон Винценгероде, принял решение двигаться сюда, чтобы остановить возможное продвижение врага, если французы вздумают подобраться к Смоленску с севера или обойти город вовсе стороной.

В августе природа меняется, чуть холодает, как в начале осени. В лесах не слышно больше, как поют кукушки. Леса же выглядят тут чуть тоскливо даже. Первые желтые штрихи могут даже коснуться некоторых деревьев. Я сижу возле небольшого нашего селения. В стойле храпят кони, я же смотрю то на разгорающиеся в небе яркие звезды, то на костер, в котором трещит сухой валежник.

Что готовит нам этот год? Война пришла к нам неожиданно. Кажется, что вот, совсем недавно, в блистательном Петербурге все офицеры и дамы разговаривали на французском языке. Мы боготворили их даже в душе. Нам казалось,

что все то, что пришло от французов выше нашего своего родного...

Так мы никогда не ошибались. А теперь они же – французы, вместе с Наполеон пришли к нам воевать на нашу землю. Они хотят поработить нас или просто поглумиться над нами и нашей столицей.

День второй

Сегодня я проснулся позднее обычного. Не знаю, почему так получилось, но голова была тяжелой, и сам я ощущал в теле невероятную усталость.

«Андрей Васильевич, поступили донесения из Смоленска, что возможно, враг начал продвигаться к Рудне. Вам нужно проверить, наличие там врага» – так мне сообщил посыльный, что прискакал к нам из Смоленска.

Я чуть нахмурился на тот момент, ибо, еще не осознавая в полную силу, что мои сны кончились, и война была очень даже реальной. Спросив этого посыльного, что именно находится в конверте, который протянул мне этот мужчина с бородой, я хотел было читать содержимое сообщения. Посыльный от Баркляя-де-Толли добавил к предыдущим словам, что в письме есть распоряжение снарядить трех русских офицеров кавалеристов, чтобы проверить подтверждены ли слухи о наступлении Наполеона на Рудню.

На душе у меня было на тот момент тревожно. Мне показалось это плохой весточкой, так как, наступление врага могло лишь означать одно для нас – поражение. Наполеон был силен со своей армией, он, очевидно, продвигался к столице – Москве. Этот мастер военного искусства и знатный полководец уже победоносно покорил всю Европу, а теперь шагал по России.

Тем не менее, после того, как посыльный ушел, я принял решение лично переговорить с Винценгероде. По этому поводу я волновался. Хотел проситься в число тех кавалеристов, которые отправятся в разведку.

Барон Фердинанд занимался написанием служебных писем в своем штабе, когда я попросился к нему на встречу. Предельно коротко и ясно я рассказал о донесении из Смоленска от Баркляя-де-Толли, показал письмо генералу, а затем попросился выбрать меня в число разведчиков, которые отправятся на лошадях в разведку к Рудне.

Генерал-адъютант строго прочитал письмо на несколько раз. Затем также сурово взглянул на меня, но увидев на моем лице решимость, согласился включить меня в список офицеров, которые отправятся в разведку. Летучий отряд из трех всадников должен был быть сформирован уже к вечеру. Потому я торопился, готовился к этому ответственному заданию. Душу терзали тысячи сомнений, каждый раз, когда я вспоминал о доме и предстоящем задании.

К вечеру небо налилось свинцовыми тучами, казалось, приобрело оттенки спелой сливы. Однако дождя не было, также как и грозы. Небеса просто хмурились, отмалчиваясь, не предвещая ничего хорошего сему миру. Иногда в высоте вспыхивали искры света безмолвные и чрезвычайно далекие. Свет был беззвучным и мгновенным.

День третий

Записки я смог сделать в свою тетрадь только к вечеру, потому что до того времени, мы погрузились на самых быстрых и выносливых скакунов и помчались к Рудне.

Я так сильно устал в той дороге. Вокруг же никого не было: был только лес и поля. Моих двух спутников звали Василий Орловский и Алексей Морозов. Орловский – младший унтер-офицер. Он был довольно мрачный и молчаливый молодой человек, который давно еще поступил на военную службу. Прошел сполна военную школу и стал офицером. Алексей Морозов же был драгун – бравый молодец с роскошными усами и отменной спортивной выправкой тела.

Все мы втроем на своих лошадях отправились в разведку к Рудне. Французов мы нигде не замечали, потому продолжали продвижение на юго-запад. Наша конечная цель находилась где-то еще южнее. Делали остановку возле скопления берез. Тут было хорошо: свежий ветер гулял, обдувал наши лица, мы же раскинули скатерть и на ней прямо ели наши пищевые запасы – военные пайки и провизию из солдатских ранцев.

Глядя на пейзаж, что раскинулся перед нами, я почему-то вспомнил про свою любимую Катерину. Я ее оставил в своем родном селении вместе с родителями под Калугой. Ду-

мает ли она обо мне? Вспоминает о своем женихе? Ведь я обещал на ней жениться. Эти вопросы пока без ответа у меня, чередой были лишь воспоминания о невесте. На сегодня я завершаю записки в походную тетрадь, так как начался дождь. Тучи все же хмурились неспроста. Будет гроза...

День четвертый

Вчера еще я смотрел на стеклянный дождь, что обрушился на нас, прячущихся под белыми березами и под грохочущим небом. Кажется, до Рудни нам не получится добраться в комфорте. Потому сегодня мы продвигались по размокшим от грязи дорогам, в отсыревших мундирах и немного злые на непогоду. Лошади устали, иногда даже как будто спотыкались на ровной дороге.

Я тоже устал физически, но духовно я ощущал напротив прилив сил. Впервые я чувствовал себя таким важным для своей страны. От наших действий зависит все и будущее страны: будет ли Россия побеждена Наполеоном или же выиграет эту войну!?

Писать особо некогда, мы проводим разведку. Разделились, прочесывали местные леса. Рысцой мой конь уводил меня все ближе к Рудне.

День пятый

Сегодня во сне я видел Катерину. Она была прекрасна! Моя невеста была просто восхитительна. У нее длинная русая коса, и сама она просто очаровательна на лицо, нежна в общении. Ее утонченные черты лица будоражили мое сознание даже в сновидении. Поутру этот сон навеял на меня тоску по дому. Я думал о Калуге. Перед глазами мелькало пасмурное небо и деревянные крыши калужских городских строений. Хотел бы вернуться туда, но нельзя! Тут у меня шла война, а я русский старший унтер-офицер, что должен отправить французов к себе домой, победить их любой ценой, либо остановить наступление врага, умирая в сражениях за Родину. Не вечно же им топтать нашу землю?!

День шестой

Мы находимся возле Рудни в верстах двух-трех. Французов тут нет. На дороге в селение нам попался старик – крестьянин и мытарь; мы его внимательно и долго расспрашивали. Он сказал, что французов тут не было. По этим тропам и дорогам не пробегала ни одна живая душа, а тем более французская армия. Еще этот старый человек с бородой рассказал, что пока в краю Рудни тихо и спокойно. Это придало мне какую-то радость, кажется, что здешнюю безмятежность не разрушили иноземные враги. Я честно был рад, что у наших под Смоленском есть время подготовиться к сражению.

Рудня – не такая, как я себе представлял ее. Она совсем маленькая, даже не тянет на приличное село. Ветхие дома на окраине чуть ли не сливаются с лесом, обрушены и обветшали от забвенья без человеческого присутствия, а лес тянется за Рудней на многие километры.

Собственно наша задача была выполнена, осталось лишь отправить депешу в Смоленск, чтобы оповестить войска Барклая-де-Толли о том, что французы пока еще не наступали на Рудню.

Глава 2. В стране забвенья

День седьмой

В этот день Андрею определено не везло. Сначала с утра он обронил из своего ранца записи походной тетради. Затем вдобавок ко всему, когда офицеры и драгун Морозов покинули Рудню, то столкнулись с французскими разведчиками. Тех было четверо, они были всадниками, также, как и русские. Русские сразу заметили вражеские мундиры, и открыли огонь.

– Пли! – Страшным и даже ужасным голосом произнес вдруг, Орловский, обращаясь к остальным кавалеристам.

– Что? – Адвентов Андрей, изумленно посмотрел на младшего унтера-офицера, а затем сам заметил на опушке леса французов. И сразу же в душе что-то похолодело. В какой-то миг внутри его вспыхнуло чувство ярости по отношению к тем ненавистным фигуркам, что так беззаботно скакали среди берез. Это были враги, и они топтали русскую землю.

Василий выстрелил первым, но промазал. Французы заметили троицу, и рассредоточились. Алексей Морозов выстрелил вторым, и кажется, причинил вред одному из французов. Андрей целился во врага последним, и тоже не попал,

пуля летела мимо. Картечь привлекла внимание кого-то еще, потому что издали, послышался шум или цокот копыт. Птицы стайкой тревожно взвились над лесом, потревоженные выстрелами. Они кричали, а может даже жаловались небу на то, что тут происходило, улетая отсюда в безопасные края. Небо же было каким-то безликим и угрюмым. С низкими тучами небосвод не предвещал ничего хорошего. Мрачностью русской равнины и мрачностью веяло от этого пейзажа.

Затем издали со свистом прилетела французская пуля, что попала в Андрея. От боли молодой человек тихо застонал и вздрогнул. Почувствовал на какой-то момент, как внутри ранения что-то стало наливаться или набухать. Кажется, небо дрогнуло в высоте и приблизилось к человеку, когда тот упал со своего скакуна на слегка влажную траву и глядел в небеса немигающими глазами. Тухли краски этого мира. Адентов, как в бреду, еще слышал стрельбу на опушке леса. Он слышал, как Алексей переговаривался с Василием, но не мог даже, ни на чуточку повернуть свою голову, чтобы разглядеть, сколько осталось французов. Забытье пришло, как удар обухом по темени. Кануло в пустоту плоское ползучее облаками небо, березы, кавалеристы и весь этот мир.

Бесконечные километры пустоты раскинулись перед взором молодого человека. Он слышал, как что-то во мраке там ухало тревожно и звонко. Еще Андрей слышал там чьи-то шаги, чей-то печальный шепот. Калуга иногда выплыва-

ла из этой пустоты. Бледными красками неизвестный художник рисовал перед Адвентовым планировку родного города. Чей-то плач прорывался из этой сумбурной пустоты, что от этого Андрею становилось страшно и печально. Он хотел вырваться из этих невероятных зрелищ пустоты, кошмаров и сменяющихся мрачными призрачными картинами, но не мог.

Иногда наступало забвение даже в этой, казалось бы, бесконечной пустоте. Мрак перестал рисовать перед человеком картины прошлого. Андрей просто лежал и спал, а может быть пребывал мертвым, так как живым он себя не ощущал на тот момент. Тьма пробуждалась в какой-то момент вновь, и начинала хлестать Адвентова по щекам мокрыми слезами или холодным дождем. Он ощущал ту всеобъемлющую мглу, что пыталась утащить его на тот свет, отнять у него жизнь.

Андрей поднимал руки вверх, смотрел на небо. Там не было небосвода и звезд, были лишь незримая пустота. От этого зрелища становилось не по себе. Человек пытался вырваться из этих тяжелых сновидений, но забвенье было сильнее его...

День восьмой

Спустя еще какое количество дней

Далекий мир вдруг распахнулся перед Андреем. Он видел над собой удивительное небо. Радуга нисходила оттуда сверху. Еще Адвентов наблюдал в тех небесах удивительное явление. Там были танцующие ангелы в белых одеждах. За спинами каждого из них были крылья. Торжественно-величественная музыка неслась издали, и человек утонул в ее тональностях и звучаниях. Реальность содрогалась этих видений, словно, морщилась. Офицер видел, что там за незримой далью скрывалось что-то еще. Там вдали серебрился дождь, и что-то прекрасное трепыхалось там. Андрей не мог разглядеть в той глубине ниспадающих лучей света чего-то еще важного.

Затем этот мир отпускал его из пограничного состояния жизни и смерти, возвращая его родному городу Калуге. Там было тихо и спокойно. Его городок, казалось, замер под каким-то необычайно пронзительно синим небом. И солнце бегало там, в вышине, от зари до заката. Тени двигались стремительно, которые откидывали строения, листва и люди. Молодой человек вдруг становился там опять мальчишкой, который пялился в небо, высоко задрав голову в высоту.

И вновь радуга лучистая нисходила откуда-то издали. В той пелене неизвестного мира, Андрей был один. Он бро-

дил среди серебристых дождливых фантомов, но это был даже не дождь. Это было нечто другое. Мир истаивал и растворялся, уступая место обычным видениям прошлого...

День девятый

Сознание путалось его в воспоминаниях. Андрей Адвентов пытался вырваться из оков этих крепких снов, но каждый раз петлял в фантазмагорических видениях сновидений. Словно, как мимолетом, он ощущал иногда в груди своей боль. Там жгло, словно, вырвало сердце из груди. И вновь мир далекий и прекрасный восставал перед человеком, и он путешествовал под радугой среди изумрудных полей. Дальше были тянущиеся вверх одухотворенные души. Это были даже не деревья или трава. Там были вполне живые существа, что кружились в своем танце. Синеватые их сущности, отплясывали свои танцы в этом мире грез. В стране забвения Андрей смотрел на стеклянный дождь, что иногда обрушался, когда прозрачные, как стекло тени, начали обрушаться с небес.

– Сын мой! – Кричал кто-то в такие дни из пустоты.

– Кто здесь? – Также громко спрашивал Андрей, но собеседника не было.

Затем русский офицер увидел вдруг французов, что неслись на него стройными полками. Эти гусары были вооружены и готовы были уничтожить его. Андрей же стоял посреди зеленого поля и смотрел на то, как враги приближались.

– Умри! – Кричали всадники Адвентову издали.

Молодой человек же какое-то время стоял и смотрел

на них, затем в ответ громогласно восклицал:

– Умрите же вы! Я буду жить... – И стеклянные тени, что были дождем, обрушались на скакунов и их всадников. Невидимая волна сметала их всех, и Андрей опять оставался один в этом поле.

День десятый

Кто-то за пределами сознания Андрея разговаривал. Он слышал ту беседу:

– Он поправится доктор?

– Думаю, что да. Ему нужно время, чтобы восстановиться.

– Как долго ждать?

– Не могу сказать. Везите его в Москву. Там ему могут помочь, если вдруг станет хуже. В него стреляли. Две пули, одна чудом миновала сердце. Так что все серьезно.

Какой-то скрежет разносился в мыслях забвения Адвента.

Затем слышался храп лошадей. Офицер ощутил, как медленно словно, поплыл в пустоте своих видений. Спицы колес скрипели где-то там, как бы в параллельном мире. Тут же у него было все также, как и раньше. Он видел свой радужный мир, пронзительное небо и цветочное поле.

День одиннадцатый

Несколько дней спустя

Катерина возникла из пустоты сновидений, Андрей подошел к ней. Девушка вышла из света, у нее было заплаканное лицо. Молодой человек содрогнулся, когда увидел ее такой.

– Что случилось, Катя?

– Ты умер!

– Я не умер. Я просто живу в этом мире. Тут хорошо! – Воскликнул Адвентов, рукой показывая ей на стеклянные тени, пляшущие у горизонта. Там же была радуга, что висела над миром его грез. По зеленым холмам бежали волны ветра. Довольно сильный восточный ветер дул издали. Он был теплым.

– Я не вижу тебя больше. Я же твоя невеста!

– Я вернусь, Катерина, моя дорогая и любезная. Я думаю о тебе каждый день, даже в этом странном мире грез. У меня нет большей мечты, чем вернуться в Калугу.

Девушка приблизилась к своему жениху. Андрей обнял ее нежно, заключив в крепкие объятия хрупкий стан Катерины.

Невеста зарыдала:

– Я рядом с тобой! Все хорошо! – Начал утешать ее Адвентов.

– Правда?

– Правда! Я с тобой!

И вновь стеклянные сны разбились вдребезги. Прозвительно синее небо пропало, также как прозрачные и зеленые души, что танцевали там у горизонта. Андрей остался один. Он ужаснулся даже, когда понял, что обнимает пустоту. Невесты его не было. Катерина была далеко-далеко, в своей Калуге, а он по-прежнему был в своих грезах и каких-то послесмертных мирах.

День двенадцатый

Еще спустя несколько дней

Андрей, что до того еще хоть как-то пытался отследить время, потерял счет дням. Он был в снах комы, что были для него и избавлением, и наказанием. Молодой человек надеялся, что выберется из них. Хотел назад к жизни, туда, где разгорались Наполеоновские войны и были сражения за свою землю. Сны же не пускали молодого человека.

Офицер был в плену видений и грез, что рисовали перед ним все новые и новые картины прошлого, настоящего, будущего и несбыточного.

Тут стояла белая береза посреди этих изумрудных полей. Ее же омывали эти стеклянные дожди, и небо трепыхалось цветами радуги.

Глава 3. События Бородинского поля

День тринадцатый

Пробуждение Адвентова Андрея Васильевича было неожиданным для него самого. Молодой человек сначала тускло посмотрел вверх, увидел над своей головой бездонное чистое синее небо, на востоке которого белесыми прожилками пробегали облачка. Солнца не было. Это было уже после заката. Легкие сумерки сиренью заливали горизонт. Осенний день подходил к концу, и пробуждение Андрея было неожиданным для него самого. Кажется, он так долго пребывал в забвенье комы или бесконечных снов, где изредка в его сновидения вырвалась Катерина.

Бесконечное небо медленно двигалось над головой Адвентова, а офицер все также смотрел вверх. Он находился в повозке, которая скрипела. Где-то перед повозкой слышался мерный цокот копыт. Кучер, кажется, что-то тоже бормотал, но этого Адвентов разобрать не мог.

– Братец, где это мы? – решил нарушить это однообразное путешествие в неизвестных сумерках осени.

– Ты... – мужчина с седой бородой оглянулся на Андрея

и удивился. – Как ты проснулся?

– Не знаю, – русский офицер слегка улыбнулся и посмотрел на кучера. – Я спал. Долго спал. Так, где мы?

В лицо повеяло свежестью и даже холодком, как бывает осенью иногда после заката. Там вдали лес синел, сливаясь уже с темнеющим небосводом. Дорога убежала в молчаливую даль.

– Мы под Тарутино, – как-то чуть устало кучер.

Андрей в этот момент, почему чуть улыбнулся. Он опять посмотрел на небо наполненное бликами умирающего заката. Потом подумал о Катерине, что она находится довольно рядом от него в Калуге.

– А звать тебя как?

– Йя, – старик, чуть обернувшись назад, хотел было что-то еще добавить, но промолчал.

– Интересное имя, – произнес в ответ Андрей. – Мое имя ты знаешь, я так полагаю.

– Верно, я знаю. Мне приказали перевезти тебя в Москву, так как там есть хорошие доктора, которые могли бы помочь тебе выйти из комы. Однако ты вышел из снов сам...

Андрею непривычно было даже в этот миг слушать разговор человека. Он постоянно пребывал эти дни в своей реальности, где шли хрустальные дожди, либо видения сменялись другими видениями. Там молодой человек был совершенно один. Однако в его душе жила любовь к Катерине своей невесте, потому он не забывал ее, даже находясь на грани

жизни и смерти. Офицер карабкался к жизни вопреки всему. Во тьме где-то гулко звучали выстрелы. Это были не то русские, не то французы. В любом случае это были звуки войны, которая продолжала охватывать все новые и новые русские земли. Наполеон завоеватель чужих земель, был слишком упорен, чтобы возвращаться назад в Европу, а Александр первый продолжал стягивать ополчения и войска в окрестностях Москвы.

– Вези меня в Тарутино, – решил для себя в мыслях Адвентов, а затем озвучил свои мысли Йя.

– А как же Москва?

– Ну, Москва чуть подождет... – произнес расторопно Андрей.

– Да, как вам будет угодно, – кучер отвернулся от офицера, и пришпорил лошадей.

Розовая пелена на небе почти полностью сошла. Единственным оплотом света оставался лишь участок на западе, откуда собственно и двигалась армия Наполеона. Йя что-то бормотал себе под нос вновь, разобрать слов нельзя было. Возможно, старик рассуждал что-то о своем, а может быть он ворчал на жизнь, или на полчища французов, которые наступали изо дня в день, приближаясь к столице России.

Тарутино выглядело запустело и осиротело. Во тьме Андрей с трудом различал домишки на окраине этого селения. В окнах мерцал свет, в то время как в других домах было темно и тихо. Повозка с трудом перебралась через выбоины

на дороге и продолжила путь, так как лошади продолжали тянуть ее.

Лучик света вырвался из хижины, когда во тьме кто-то внезапно распахнул дверь. Андрей увидел тот дивный свет избы, когда лошади остановились возле дома, что контурами едва ли выделялся на фоне стремительно темнеющего неба. Робкая и довольно несмелая девушка стояла во мгле со свечой в руках. И за ней уже на пороге дома появился еще силуэт человека, не то старик, не то мужчина преклонного возраста. Отблеск света свечи позволил офицеру разглядеть лицо девушки. Необычная, но привлекательная внешность юной незнакомки поразила Андрея. Особенное было что-то в этой девушке, что притягивало к ней взор путника в ночи. Волнение даже пробежало по венам Адвентова, когда он подошел приветствовать хозяев дома.

– Добро пожаловать, откуда вы к нам? – девушка оказалась на самом деле довольно бойкой. Легкая улыбка играла на ее лице.

– Здравствуйте, мы из Смоленска... – постарался не выглядеть смущенным, отвечал Андрей.

– Проходите... – довольно преклонного возраста мужчина пожал руку Адвентову, а затем и Йя.

В сенях пахло хлебом, сеном и чем-то деревенским. Эти запахи вызвали у Андрея смутные воспоминания прошлого, что постоянно ускользало из его сознания. Девушка забежала в дом, и Андрей смог лишь заметить ее русую косу. Кучер

вошел последним в хату.

В доме было тесно, но тепло. Осенняя сырость и чрезмерная свежесть осталась позади. Андрей услышал, как в печи трещат дрова, огонь поглощал их, варево готовилось на печи. На столе стоял самовар, и на стульях сидели двое стесняющихся чужих ребяташек, что застенчиво и со смешками глазели на Андрея Адвентова.

Престарелого возраста мужчина оказался отец-вдовец, что потерял свою жену два года назад после смерти. Она умерла во время родов младшего ребенка в этой семье. Отец выглядел насупленным и угрюмым. Трофим один справлялся с хозяйством, так как у него была старшая дочь, которой было нямало – семнадцать лет. Девушка была сейчас вместо матери в хозяйстве. Она была мила и прекрасна, этого не мог не заметить Андрей, и в душе сразу же что-то выиграло, что-то вроде радости или предчувствия нового знакомства. В хозяйшке избы было что-то притягательное: сочетание скромности, чистоты девичьей и исконно русской красоты. Длинная плетеная коса красило девицу.

– Не робейте, присаживайтесь, – Мила была гостеприимна к запоздалым гостям.

И Андрей, и Йя уселись на рубленные из дерева табуреты, которые были довольно грубы, но прочны. Когда мужчины уселись, девушка начала хлопотать и готовить еду для гостей. Отец и глава этого семейства выглядел довольно суровым, сохранял строгость в выражении лица. Лишь изред-

ка его выразительные брови поднимались вверх. Андрей пытался завести разговор и пообщаться с хозяином дома. Если и кто умел тут разговаривать хорошо, так только Мила. Возможно, что она всегда была такой, а может быть, приход гостей оживил ее настроение, так как мрачность отца удручала остальных. Изредка дети начинали смеяться, и гости поглядывали на балующихся ребят. Чернеющая мгла была снаружи, в доме же напротив, было светло, уютно и тепло. Разговор постепенно становился более дружеским и теплым.

День четырнадцатый

Проснулся Андрей, когда в избе едва ли засинели светом окна. Снаружи светало. В доме же пока было темно и тихо. Все спали. Адвентов подумал о том, что произошло за эти дни. Он вспоминал вчерашний день, как ехал в повозке в неизвестную даль, что затерялась где-то между Калугой и Москвой. Русский офицер помнил также разговор с кучером Йя. Ему хотелось вернуться иногда в прошлое, тогда, когда он не был одинок, и когда рядом с ним была его невеста Катерина. Однако все прошлое кануло в пустоту. Сейчас была война, и Наполеон не собирался оставлять Россию, потому Андрею необходимо было также принять участие в сражениях в обороне за Москву. Потом в мысли к Андрею пришла Мила, она осветила его душу светом. Что-то радостное и счастливое ворвалось в его сознание, когда он нарисовал в своем мысленном воображении эту девушку.

Так Андрей лежал некоторое время, пока в доме не начали просыпаться хозяева. Мила проснулась первой. Потому она начала готовить завтрак всем гостям, а также членам своей семьи.

– Доброго утра, – произнес первым Андрей, когда девушка оказалась в непосредственной близости от его кровати.

– Ах, это вы... – девушка смущенно заулыбалась, – да, доброе утро и вам.

Затем начали просыпаться остальные. Кажется, что сегодня Андрей еще больше привязался к этой девушке, расположение веяло от ее облика. Однако он также помнил о том, что у него есть невеста. Потому Адвентов сдерживал свои чувства, и не пытался заигрывать с этой приветливой хозяйшюшкой дома.

После обеда они должны были ехать в Москву. Йя занялся лошадьми, покормил их. Андрей же достал из ранца свое обмундирование. Он почистил свои сапоги, проверил свое личное оружие. И просто морально, кажется, был уже готов опять начать воевать против французов.

Больше всего не хотелось Андрею Адвентову покидать этот дом, так как Мила вызывала у него теплые чувства, что возникают у юных людей, когда они влюбились с первого взгляда друг в друга. Однако Адвентов не был юн, однако был молод и статен.

Лучи солнца сначала едва ли коснулись верхушки деревьев и крыш домов. Алое светило поднималось все выше и выше, пока не пожелтело, и не стало приторно сверкать в осеннем небе. Рудня была теперь лишь в воспоминаниях Андрея, сейчас под Москвой выживший после комы он думал не о прошлом, а будущем. Искренний патриотизм горел в нем, и сам офицер желал защищать свою страну в любом случае. Он думал иногда о смерти, но не боялся ее. «Не всем же жить нам вечно, когда помирать придется» – так размышлял Адвентов о смысле жизни и том, что будет

потом. Одинокое пребывание в коме, сделали молодого человека более зрелым по разуму. Воодушевление и радость наполняли сейчас душу Андрея, так как он вернулся назад в свой мир из грез и забытых реальностей комы.

Андрею чудилось, что он видел где-то раньше это, так как весь этот эпизод жизни напоминал ему дежа-вю. Невероятно сильные чувства вторгались в его душу, так как он, кажется, был влюблен сейчас. Далекие и смутные воспоминания приходили к нему на ум, каждый раз, когда он сталкивался зрительно глазами с Милой. Луч тайного счастья заливал душу светом от которого у молодого человека становилось радостно и волнующе. Кажется, что в такие мгновения душа Андрея превращалась в бесконечный заповедный край, который не был еще открыт людьми. В том краю жил мир комы, воспоминания Адвентова, а также свет новой любви в лице Милы.

Девушка вышла в сени, а затем во двор. Андрей, чуть помедлив, решил последовать за ней. Словно ненароком он прикоснулся к ней. Мила не отстранилась, а лишь залилась пунцовой краской на лице и опустила свои глаза, не смея посмотреть на Андрея.

Офицер поцеловал ее, обняв за талию. Андрей улавливал тот приятный девичий аромат, что источала Мила. Она была для него сейчас, как запретный плод, который нельзя было сорвать. Девушка вздыхала в объятьях Адвентова, а потом отстранилась от него, чтобы не показаться доступной.

– Я тебя... – начал произносить медленно Андрей.

– Ничего не говори, – девушка приложила палец к губам русского офицера и зорко глянула на Адвентова.

Мила поспешила в хлев, гость следовал за ней. Там было свежо, в воздухе висел запах свежего сена. Еще здесь ощущался запах дерева и чего-то еще, что Андрей не мог определить сразу. Девушка, кажется, просто хотела отклониться от преследования молодого мужчины, и заняться своими делами, чтобы покормить в коровнике скот. Однако Адвентов опять уверенно и сильно взял ее за плечики, что девушка чуть затрепетала даже перед ним. Он же подвел ее к сеновалу, что источал воспоминания ушедшего лета. В этих ароматах лета они предались любви. Сказка исполнялась здесь наяву. Андрею чудилось же, что он уже не в амбаре, а где-то в бесконечных полях среди лета и жаркого лета. Парню казалось, что Милу он знал всегда и раньше, и сейчас и даже в будущем. В настоящем же времени не было никого кроме нее.

Ветер незримый и далекий приносил сюда воспоминания о лете, а русский русоволосый и мужественный офицер с силой наваливался на красивую Милу, стараясь доставить ей, максимум удовольствия и счастья в мире, где реальность стиралась и заменялась жарким полуденным забвеньем любви. Мила начала слегка стонать, по ее телу побежали мурашки. Андрей слегка улыбаясь, разглядывал ее, видел, как волосики на девичьи руках, начали топорщиться от волнения,

словно, ей было очень холодно и она замерзла. Крестьянская девушка извивалась под ним и отдавалась напору и силе Адвентова. На уровне рефлекса Мила старалась синхронизировать свои действия с Андреем.

Бесконечный мир с полуденным солнцем в зените на лазурном небосводе не исчезал в сознании Андрея. Он почти явственно видел сочные зеленые долины, и речку, что издали, прорезала эти насыщенные цвета бескрайних долин тепла, лета и солнца. Еще молодой человек в этой сказке испытывал счастье и приливы любви, которые подобно нежному ветру набегали издали, чтобы освежить лицо человека.

Финал был довольно прозаичным. Девушка начала содрогаться от не то истомы, не то от судорог, крича от счастья, к которым привел ее Андрей Адвентов. Мила молилась шепча, и просила офицера на некоторое время отстраниться от нее. Потом благодарила его, целуя нежно в губы. Русский офицер стоял и смотрел на этот хлев, который был пропитан воспоминаниями о лете и лесе. В стоге сена лежала обнаженная Мила с легкой улыбкой на лице. Ножкой она чуть подрыгивала, глядя на Андрея, лицо выглядело умиротворенным и довольным.

– Спасибо, милый... – шепнула девушка на ухо; она вдруг ощутила, что ей позволительно было уже трогать Андрея своими руками и шептать ему на ухо всякие глупости, как самому родному человеку на земле.

– Мой, мой... – дотрагиваясь до офицера произнесла Ми-

ла.

Андрей слегка улыбался, гладил ее по щеке и волосам. Целовал ее иногда в изящную тонкую шею девушке, и рассказывал ей про будущее в котором он должен был принять участие. Он должен был воевать против Наполеона и вражеской армии, что стремительно наступал на Россию, все глубже и глубже проникая в пределы этой бескрайней страны.

День пятнадцатый

25 августа (6 сентября)

Самые любезнейшие заверенья произнес Андрей Адвентов напоследок Миле, обещая ей бракосочетание в Калуге, когда они прощались в селе. Однако война, иногда обманывает возлюбленных. Ведь он шел на войну, а она по-прежнему оставалась в Тарутино. Небо мелькнуло перед глазами солдата, а также те нестройные березы, что тянулись милями от села до самого Бородина, где и должно было начаться генеральное сражение русской и французской армии.

Сейчас Адвентов был в седле, и поспешно пытался успеть до начала сражений. Однако он опоздал. Зловещие выстрелы и канонада артиллерии гулом летела над Бородинским полем. Клубы дыма и картечи висели над равниной облаком плотной пелены. Возможно, что это была величайшая битва народов в истории, ибо никогда раньше не было столь кровавых столкновений. Андрей был без мундира, однако, это никак не помешало ему вступить в бой. И даже те раны пошли ему на пользу. Офицер прицелился и выстрелил в бегущие отряды французов, что эшелонами шли насупротив русских бойцов. Кутузов был отличный полководец, впрочем, и Наполеон был силен и полон решимости завоевать Россию и Москву. Что-то фаталистическое и неизбежное развертывалось тут.

Находясь, как бы в сторонке от основных сил сражающихся, Андрей Адвентов отстреливался завоевателей, что шли полками среди лесов и изумрудных долин. Шумливые бере-зы шептали песни ветра, когда лавины ветра прилетали сюда из глубин пределов.

Истерзанные и без того длительными столкновениями с неприятелем русские начинали отступать. Бородино было для них, как эпопея их поражения, где под бесконечным небом гибли те, кто должны были жить. Безжизненными и даже как бы остекленевшими глазами мертвецы взирали в небесные хоромы будущих домов, где должна была начаться новая жизнь солдат.

Андрей слонялся до самой ночи в этом измерении среди груд убиенных на поле сражения, надеясь примкнуть к какому-либо полку или партизанскому отряду. Ночь поглотила все: истерзанные пулями и картечью тела людей, пологий далекий лес, забытые деревушки и неизменное стабильное небо, что реяло над столь беспокойной землей.

В часу одиннадцатом, когда небо помрачнело от темноты и сплошной гряды облачных масс, что пришли издали потаенного мира, Андрей Адвентов уезжал с поля битвы на скрипучей телеге, где крестьяне подбирали раненных и выживших. Кони низкорослые влачили на оглоблях повозку, где был кучер-крестьянин, четверо раненных солдат в мундирах и Андрей, с тоской глядящий в темноту Бородинских окрестностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.